

**Муниципальное учреждение
дополнительного профессионального образования
«Центр развития образования»
(МУ ДПО «ЦРО»)
«Велөдөм сөвмөдэн шөрүн» уджикасын содтөд төдөмлүн сетан
муниципальнөй учреждение**

***Работы победителей и призеров
муниципального этапа
всероссийского литературного конкурса***

Сыктывкар, 2020

Содержание

Юрченко Вадим Станиславович, учащийся МОУ «СОШ № 30» г. Сыктывкара, победитель Всероссийского литературного конкурса «Класс», «Самый яркий прыжок»	3
Большакова Алёна Дмитриевна, учащаяся МАОУ «Гимназия им. А.С. Пушкина», победитель Всероссийского литературного конкурса «Класс», «Свой мир»	6
Серова Дарья Алексеевна, учащаяся МАОУ «Лицей народной дипломатии», победитель Всероссийского литературного конкурса «Класс», «День, когда все изменилось, а на самом деле нет»	12
Лажанева Валерия Эдуардовна, учащаяся МАОУ «Гимназия им. А.С. Пушкина», победитель Всероссийского литературного конкурса «Класс», «Одуванчик»	16
Панев Андрей Алексеевич, учащийся МОУ «СОШ № 30» г. Сыктывкара, победитель Всероссийского литературного конкурса «Класс», «День, когда все изменилось»	21
Горпелюк Екатерина Анатольевна, учащаяся МАОУ «Технологический лицей», призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс», «Обычный воскресный день?»	24
Коносова Дарья Владимировна, учащаяся МАОУ «Гимназия им. А.С. Пушкина», призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс», «Обжигающее синее пламя»	28
Степанова Мария Кондратьевна, учащаяся МАОУ «Технологический лицей», призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс», «Прыжки в высоту»	31
Хомченко Владислав Дмитриевич, учащийся МАОУ «Лицей № 1» г. Сыктывкара, призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс», «Грязь»	33
Тютюнник Евгения Дмитриевна, учащаяся МАОУ «Гимназия им. А.С. Пушкина», призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс», «С тех пор всегда вместе»	36
Лыткина Татьяна Дмитриевна, учащаяся МАОУ «СОШ № 25», призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс», «Вечность на моих плечах»	38
Потолицына Ульяна, учащаяся МОУ «СОШ № 30», г. Сыктывкара, призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс», «До фонаря»	43

Юрченко Вадим Станиславович,
учащийся МОУ «СОШ № 30» г. Сыктывкара,
победитель Всероссийского литературного конкурса «Класс»

Самый яркий прыжок

Когда я был ещё дошкольного возраста, родители думали, что же со мной будет. Ведь рос ленивый, ничем не примечательный мальчишка, «достающий» всех и вся. Для меня всё казалось игрой, и на серьёзность абсолютно не был способен. Далеко от этой установки, может, и не удалось уйти (на то я и подросток), но за эти годы мне удалось раскрыть в себе немало талантов.

За свою жизнь я много раз участвовал в самых различных конкурсах, пробовал себя в проектах. Порой, в одно время мне удавалось создавать совершенно несочетаемые работы. Всё время гнался за чем-то, пытался найти в себе цель, задачу. Пробовал всё: искусство, лингвистику, точные науки. Некоторые выступления получались, другие с треском проваливались. А однажды я смог удивить не только жюри и своих родственников, но и самого себя.

Учёба в школе близилась к завершению, медленно приближалось лето. Апрель. Мы с моими наставниками, которые и затеяли эту, казалось бы, провальную авантюру, упорно готовились к грозно надвигающемуся конкурсу. Он выделялся среди остальных своим масштабом. Республиканский уровень тогда казался мне неприступной крепостью, за стенами которой лежало что-то стоящее. Нечто, имеющее смысл, обладающее достаточной силой, чтобы заинтересовать ребёнка. Я понимал, что ничего материального за победу в этом конкурсе мне не светит, но мне было достаточно мечтать о возможной радости, гордости за себя, за силы, вложенные в это дело. Ожидание того дня освещало каждый наступающий день. Возникло желание отдаться полностью этому событию. Я хотел выйти из уже знакомой мне местности и покорить неизвестные края. Но была и обратная сторона медали. Мне было страшно за более вероятный провал. Ведь шансы невелики, ведь есть дети талантливее меня

в чтении стихов! Какова вероятность того, что ни один из них не появится на этом конкурсе? Однако, несмотря на прибывающий пессимизм, я не собирался поворачиваться обратно. Разбег уже был взят. Поздно отказываться, да и бессмысленно.

Репетиции продолжались. Прогресс был весьма заметен, и с каждым новым мысленным прыжком получалось всё лучше и лучше. Я много раз менял свои стратегии, придумывал новые трюки, озвучивал содержание стихотворения не как текст, а как звуки, как музыку. Я изображал картины произведения, вербально озвучивал мысли автора. И вот, просчитав все свои действия, каждый свой шаг перед этим прыжком, я был готов к нему.

Май. Солнце светило и грело всё, что попадало под его яркие лучи. Я лёгким, бодрым шагом шёл к новому горизонту, прежде невиданному мной. Жеребьёвка прошла наилучшим образом: не первый, но и не последний. Золотая середина уже говорила о благоприятных обстоятельствах. Я начал предполагать, что удача сегодня на моей стороне. Началось. Вышел первый, прочёл, второй, третий... Нервы на пределе, но в глазах уверенность. Какое-то жгучее чувство всегда преследовало меня на выступлениях перед публикой, хотя её я и не боялся. Но в сердце было какое-то еле осязаемое сомнение. А что если... Этот вопрос застрял у меня в голове. А что если я не справлюсь? А что если забуду? А что если просто не понравлюсь? Но перед своей очередью я договорился сам с собой. Только выйдя туда, только встав на сцену, только рассказав этот выученный до подкорки стих, я узнаю, что будет. Вдох, выдох, пошёл. Я сделал шаг, ещё, ещё, толчок... Полёт. Блаженный, искренний и лёгкий. Столь грациозно до того ещё не прыгал никогда. Я знал, что этот прыжок, скорее всего, не повторю никогда. Появилось предположение, что он может быть самым высоким в моей жизни. Но я всё равно приземлился, ведь рано или поздно это происходит с каждым парящим.

Да, тот конкурс был мной выигран. Что я на нём выиграл? Пожалуй, самое главное – счастье. В тот день мной правило ощущение безмерного счастья. Я был благодарен за сложный старт, научивший меня упорству, за блаженные

доли секунды полёта, подарившие мне радость, за мягкое приземление, не обернувшееся разочарованием.

Большакова Алёна Дмитриевна,
учащаяся МАОУ «Гимназия им. А.С. Пушкина»,
победитель Всероссийского литературного конкурса «Класс»

Свой мир

- Ты уверен, что это то место? – спросил молодой парень, снова оглянувшись.
- Руслан, ну, в самом деле! Если бы я не был уверен, пошёл бы один, – усмехнулся рыжий, хотя из-за противогаза этого не было видно.
- В прошлый раз ты говорил так же, и что произошло потом?! – крикнул Руслан, но тут же осёкся. Непозволительная ошибка.
- Совсем сдурел? – шикнул на него третий путник, борода которого была видна даже из-под защитной маски. – Если нас услышат – в жертву принесём тебя.
- Мишаня, спокойно. Мы почти пришли, – рыжий парень, Спун, уверенно посмотрел вперёд.

Это был вторник. Они сидели дома и смотрели какой-то фильм. Обычный вечер в кругу хороших друзей. Ну, правда, что может пойти не так?

Противогаз неприятно прилегал к коже, из-за чего его постоянно хотелось снять. Ещё эта экипировка, замедляющая движения! Скинуть бы всё это, выйти на улицу, вдохнуть полной грудью и... И что? Заработать лучевую болезнь? Стать кормом для монстров? Увы, после войны единственное место, где он мог снять весь этот кошмар, – лазарет. Такой старый, провонявший смертью насквозь кабинет, в котором максимум вколют порцию зелёнки и отправят на все четыре стороны. Только вот это самое «чудодейственное средство» имело свойство заканчиваться. Именно поэтому они сейчас идут на другой конец города в какой-то университет. Три жизни в обмен на несколько баночек, которых ещё может и не быть, для кого-то сверху. Даня не особо радовался такому раскладу дел, но выбора у него нет.

Свет резко выключился. Тишина. Завыла сирена. Громко, противно. Паника охватила Даню. Его друзей. Всех. На улице послышались крики. Одна мысль: «Бежать!»

– Даня! – раздражённый шёпот Миши раздался рядом с ухом рыжего, заставляя вздрогнуть. – Оглох, что ли? Готовься. Мы здесь не одни.

Спун молча снял свой АК-47 с предохранителя. Он привык. Привык каждый день делать одно и то же. Постоянно оглядываться, не издавать лишних звуков, сливаться с серым миром. Сейчас его жизнь похожа на видеоигру, в которой он должен всех убивать. И задача в ней одна – не промахнуться. Только вот если в шутере ты можешь перезагрузиться и пройти миссию снова, то здесь на кону стоят жизни. Ошибки больше не прощаются.

Рядом что-то проскочило. Даня резко повернулся.

– Это гуль? – прошептал Данила, всматриваясь в темноту.

– Не похож, – ответил Вихлянцев, озираясь. – Это, наверно, Хрюша.

– Хрюша? Из «Спокойной ночи, малыши», что ли? – усмехнулся Данила.

– Ха-ха. Друг друга прикрываем, далеко не отходим, – сказал Руслан, делая шаг вперёд.

Тишина. Эта самая Хрюша больше на контакт не выходила. Это пугало. Слишком уж эти твари непредсказуемы.

– Может, она передумала и убежала? – предположил Спун, ненадолго останавливаясь, чтобы поправить жилет.

– Ещё скажи, что она вегетарианка, – съязвил Вихлянцев. – Не расслабляйтесь, мы не знаем, что может случиться.

Время тянулось, а вот сил уже почти не было. Чёрные ответвления коридоров, заколоченные окна, пустые кабинеты, похожие на глаза дверные проёмы и оглушающая тишина – всё это давило. Давило на слух, на разум. Словно Даня каждой клеточкой своего тела медленно сходил с ума.

Они выбежали на улицу. Паника. Люди. Метро. Да, точно, метро! Хоть чему-то он научился, играя в шутеры. Схватив друзей за руки, он побежал к подземке. «Только не отпускай руку», – твердил сам себе рыжий, перепрыгивая через ступеньки. Ему было плевать, что с ним случится, сейчас главное – спасти Руслана и Мишу. Двух чудаков, которые, словно ураган, вторглись в его жизнь,

разрушив все его прежние устои, но принеся ей нечто новое, такое тёплое и уютное. То, что не должно погибнуть сейчас от неведомого чего.

Стоило им спуститься, как сзади что-то захлопнулось. Ворота. Герметичные огромные ворота, как в бомбоубежище. Данила огляделся. Кто-то молился, женщина успокаивала девочку лет пяти, подростки что-то друг другу истерично кричали. Паника была и здесь. Она была в вечно холодных глазах Руслана. Прорывалась сквозь густую бороду Миши. Она захватила всё. Теперь это её мир.

Крики стали громче. Взрыв. Железные двери затрещали от ударной волны, пол слегка задрожал, с потолка что-то посыпалось. Женский визг. Детский плач. Но Даня ничего не слышал. В голове была лишь одна мысль: «Снаружи теперь тихо...»

Они продолжали идти, целясь в пустоту, постоянно оглядываясь. Руки начинали затекать, разум все чаще подкидывал слуховые галлюцинации, ноги подкашивались от нарастающего напряжения. Но расслабляться нельзя, если хочешь жить.

Единственное, что осталось у Дани от прошлой жизни, – друзья. Он цеплялся за них, словно утопающий за спасательный круг. И рыжий на самом деле тонул. Тонул в ответственности, в правилах нового мира, в страхе. Они – его спасение, его смысл жизни. Они его не бросят, да?

Миша, ещё раз оглянувшись, опустил автомат.

– Совсем головой тронулся?! – гневно прошептал Вихлянец и подбежал к нему, собираясь отвесить подзатыльник.

– Да ладно тебе, здесь же ни души, – Миша убрал оружие за спину, уворачиваясь от руки друга. – Что тут ещё может произойти?

Не бросят.

Тихий скрежет. Вихлянец, задрал голову, вскидывает автомат... но уже поздно.

Спун упустил момент, когда с потолка на Смирнова что-то прыгнуло, придавливая его своим немаленьким весом. Потом был крик. Полный боли и

отчаяния. Даня стоял не дыша, не до конца понимая, что только что произошло. Из протрации его вывел Руслан, схватив за руку и потащив прочь.

Они же всегда будут рядом?

– Куда мы?! – крикнул Спун, начиная задыхаться.

– Подальше отсюда!

– А как же Миша?!

– Не тупи, Даня, его уже не спасти! – парень затолкнул Данилу в какое-то помещение, напоминающее лабораторию.

– Мы могли ему помочь! – истерично воскликнул рыжий.

– Нет, мы бы просто погибли. У нас есть миссия, Даня, не забывай об этом! – тяжело дыша, сказал брюнет.

Серьёзно?! Миша только что погиб, а он говорит о миссии?! Ему что, плевать?! Нет-нет-нет! Руслан же не может... не может просто забыть об этом, да?

– Миссия? Ты шутишь?! Зачем им зелёнка, если они её никому не дают? Власть её просто забирает и откладывает в личный сейф, пока обычные сталкеры погибают от когтей или облучения! Если бы им так нужны были эти баночки – они послали бы натренированный и подготовленный отряд, а не нас троих!

– Ты так говоришь, будто я ничего не замечаю. Просто прими тот факт, что так было всегда, всё повторяется раз за разом. Но сейчас будет лучше промолчать, если ты, конечно, не хочешь повторить судьбу Иисуса Христа, – холодно сказал парень, хотя руки его дрожали. – Нам надо осмотреться.

Молчать? Руслан только что предложил ему смириться со всем этим? Конечно, ничто не изменится, если люди будут беспрекословно выполнять все прихоти высших чинов!

– Скажи мне честно, тебе плевать? – обречённо прошептал Данила, смотря в спину брюнету, который уже рылся в каком-то ящике.

– Поясни, – буднично сказал Руслан.

– Миша только что погиб, а ты ведёшь себя, будто всё в порядке! Или ты не заметил?! А?! Тебе плевать?! Давай! Скажи это, и мы разойдёмся!

– Что?! Крыша поехала, а ты за ней, или что?! Дань, нельзя испытывать слишком много эмоций! Это закон выживания! Мы не живём в прекрасной сказке, где скачут радужные пони! Это реальная жизнь! Мы смертны, признай это уже наконец! Все когда-нибудь умрут, не сегодня, так завтра! – прокричал Руслан, резко развернувшись, и, тяжело выдохнув, продолжил: – Мне не плевать, нет. Мне так же больно, как и тебе. Миша был и моим другом тоже. Он был хорошим человеком, всегда старался помочь и, я думаю, хотел бы найти эти чёртовы баночки и спасти кого-нибудь. Так что давай закончим то, что начали... ради него, – чуть ли не шёпотом сказал брюнет, стараясь сохранять спокойствие, но в конце его голос всё равно предательски дрогнул.

Спун только кивнул, отвернувшись, и открыл какой-то шкаф. Вина. Теперь он утонет в ней. Вот он, наш герой, – Данила-тупая-истеричка, который думает только о себе и своих чувствах. Да, такой он и есть. Жалкий, недостойный, никчёмный. Всего лишь пылинка в этом огромном мире, которая ни на что не влияет.

Рыжий тряхнул головой. Сейчас не до рефлексии. Он пробежался глазами по полкам, высматривая сейф или какой-нибудь кейс, или где там экспериментальные лекарства хранят? Папки, полусгнившие бумаги, нечто похожее на вазу – всё не то! Он закрывает дверцу, подходя к стоящему рядом комоду.

Всегда будут вместе.

– Даня? Я, кажется, наш... А-а-а-а-а! – завопил брюнет, роняя что-то на пол.

Рыжий резко повернулся, вскинув автомат, но было поздно: дверь захлопнулась, а крики утихли. У противоположной стены в луже крови лежал чемоданчик. Не теряя ни секунды, Даня схватил его.

Спун бежал... Нет, мчался со всех ног. Останавливаться было нельзя. И не потому, что за ним кто-то гонится, нет. Ему казалось, что он до сих пор слышит крики, треск чужих костей и животный рык. Нет-нет-нет! Этого не может быть! Это нереально! Это просто сон! Не было никакой войны, монстров и бункеров, нет, он просто спит. Сейчас он откроет глаза, а за окном

будет светить солнце, ветер подует в окно, к нему зайдут друзья! Да, точно! Вот сейчас он проснётся! Через три, две, одну... но ничего не изменится.

Даня остановился минут через двадцать. Лёгкие горели, ноги не слушались, а перед глазами плясали огни. Он сел на землю, переводя дыхание. Хотелось рыдать. Теперь он один. Совсем один в этом мёртвом мире. Он потерял свой спасательный круг. Свой смысл жизни.

Рыжий открыл кейс, собираясь утешить себя хотя бы хорошим уловом, но... Но там было только три баночки, остальные разбились при падении чемоданчика, если не раньше. Три! Всего лишь три, когда их могло быть штук двадцать или больше, но судьба решила иначе. Чёртова ирония!

Спун поднялся, оставив на земле две целые баночки зелёнки. Они могли бы спасти чьи-то жизни, как и Миша с Русланом, но этот мир несправедлив, он забирает самых лучших. Но Даниле плевать! Он построит свой. Свой чудесный мир на пепле и обломках прошлого. Свою реальность, в которой нет места смерти и коррупции. Свою судьбу, которая ни от кого не зависит. Свою историю, которая не оборвётся на полуслове.

Серова Дарья Алексеевна,
учащаяся МАОУ «Лицей народной дипломатии»,
победитель Всероссийского литературного конкурса «Класс»

День, когда все изменилось, а на самом деле нет

Проснувшись в субботу с утра пораньше, я к своему неудовольствию отметил, что у меня отвалилась нога.

Протянул руку, пощупал то место, где должно было быть моё бедро. Помимо явного его отсутствия, больше никакого дискомфорта я не испытывал. Пожав плечами, я осторожно приподнялся и спустил с кровати оставшуюся – левую – ногу. Правая нога валялась на полу, около кровати. Я разочарованно подобрал её, отряхнул от пыли и положил на прикроватный столик. Кажется, вечерний поход с Манюней на танцы отменяется.

С детства меня учили, что решение любой проблемы следует начинать с хорошей еды. Поэтому первым делом я встал и плотно позавтракал. Потом согнул ногу в колене, в ступне, пошевелил её пальцами. Нога функционировала нормально – просто незадолго до этого отвалилась. В кладовке я раздобыл пару рукоятей от старых ножей и молотков и соорудил себе из них деревянную ходулю как у пирата. Вновь взглядел на ногу. Она лежала на тумбочке, лишь изредка подёргивая мизинцем.

Пора было что-то со всем этим решать.

Худо-бедно опираясь на пиратскую ходулю, я оделся, сложил ногу пополам, закинул её в карман и выбрел на улицу. Уши шапки были меня по щекам, ходуля неприятно тёрлась о полы пальто. До кучи из безобидной тучки повалил градом снег. Я начал слегка поскальзываться. Словом, полное разочарование.

В книжной лавочке под потолком свистела муха. Я подошёл к прилавку и спросил у маленького деда, сидящего на табуретке о двух ножках:

- Скажите, а у вас есть книги с советами по поводу отвалившейся ноги?*
- Не знаю, - перебирая журнальчики, буркнул дед. – Поищите вон там.*

Я поплелся в том направлении, куда он указывал, и нашёл буклетик «Тысяча и один совет на тысячу и один случай из жизни». Полистав немного, обнаружил главу «Что предпринять при зуде в тазу» и вслед за ней «Рекомендации при заворачивании ушей в трубочку». Ничего толкового.

Дальнейший мой маршрут пролегал через овощной рынок, магазин канцелярских товаров, главпочтамт и швейное ателье. Из ателье я вышел совершенно опустошённым. Нога по-прежнему болталась в растянувшемся кармане пальто. Ко всему прочему, одна важная часть моей импровизированной конечности потерялась, и в ателье мне заменили его старой оконной балкой, которая отвратно скрипела при ходьбе.

Делать нечего. Скрипя, я поплёлся домой. По пути набрал Манюню.

- Да-да? – ответил мне сквозь трубку булькающий Манюнин голос. Есть у Манюни привычка – говоря, чуть побулькивать. Если честно, мне это даже нравится.

- Знаешь, Манюня, - сказал я. – Ты сегодня иди танцевать без меня.

- А что такое? – спросила Манюня.

- Да я приболел немного, - соврал я.

- Ну смотри, - сказала Манюня и сбросила звонок.

Я вернулся домой и вновь сел на кровать. Достал ногу, от нечего делать подергал её за пальцы, затем прилёг, поднялся, прислушался – будто и здесь муха свистит.

В дверь позвонили. Я подобрался к глазку и увидел длинный багряно-красный нос. Такой нос, говорят, давно считается признаком крайне положительного расположения духа. В дверь постучали. Тогда я открыл замок. В щелку толщиной со свой нос скользнула Манюня. Под мышкой у неё была старинная швейная машинка, а на ушах висели вишневые гроздья.

- С заболеванием! – сказала Манюня, снимая вишню с ушей и складывая её на мой прикроватный столик.

Она поглядела на меня, похлопала себя по круглому боку, надула губы, бросила короткий взгляд на карман пальто, на ходулю и сразу всё поняла.

- Сам оторвал? – спросила она, булькая.

- Если бы, - сказал я.

- С кем не бывает! – пронизательно заметила Манюня. – Ну, ничего не поделаешь. Будем чинить. Говорила мне бабка, что швейная машинка в любом хозяйстве пригодится.

Она распаковала машинку и уселась на мою кровать, взяв в руки ногу.

- Что скажешь? – спросил я.

- Обмётку сделать не выйдет, - сказала Манюня, прицеливаясь в ушко иглы ниткой. – Придется резать по живому.

- Я везде был, - сказал я. – Мне даже в ателье не помогли.

- Ничего, - ответила Манюня. – Это ещё пустяки!

Она достала носовой платок и прошила на нём три ровные зигзагообразные строчки. Потом рукой поманила меня. Я подошёл. Она разогнула пополам мою ногу. У меня закололо в ягодице.

Манюня с мясом оторвала мою ходулю и приставила на её место ногу. Мгновение – и нога оказалась пришита.

- Ну вот и всё, - сказала Манюня, поднимаясь. – Ешь вишню и идём танцевать. Или ты ещё болеешь?

Я подвигался. Нога сидела как влитая. Тогда я отправился одеваться, на ходу доедая вишню.

Мы шли с Манюней по улице под руку. Я, взявшись за катушку, тащил старинную швейную машинку. В бедре приятно пощипывало. Манюня сбавляла обороты и старалась хромать мне в такт.

Мы по прямой прошли несколько кривых перекрёстков, и вдруг Манюня остановила меня у здания музея. О том, что это музей, было написано большими известковыми буквами снаружи. Внутри же, как мы могли видеть, оказывался всё-таки кинотеатр.

- Может, ну их? Эти танцы? – сказала Манюня. – Пойдём в кино лучше.

- Пойдём, - сказал я.

- И машинку оставь, - сказала Манюня. – Иначе нас не пустят внутрь.

- А я её в карман спрячу, - сказал я. И спрятал. И мы, начиная с правой ноги, похрамали в музей.

На танцы мы этим вечером так и не пошли. Зато пошли в следующую субботу. И следующую за ней. И в другую, и потом. И нога у меня больше не отваливалась.

Лажанева Валерия Эдуардовна,
учащаяся МАОУ «Гимназия им. А.С. Пушкина»,
победитель Всероссийского литературного конкурса «Класс»

Одуванчик

Серебристая луна тревожно заглядывала в окно, оставляя кривое отражение в уже давно остывшей чашке кофе, настолько же горького, как мысли мужчины, бессмысленным взглядом упёршегося в крошки на столе, что казались в этот момент настолько одинокими...

Он смахивает их в сторону лёгким движением руки. Форточка с громким стуком распахивается, но мужчина даже не замечает этого, как и того, что занесённый резким ветром снег крупными хлопьями оседает на волосах, на нахмуренных бровях и на плечах, обтянутых мятой рубашкой невнятного цвета. Не заметил он и того, как некто шаркающий подошел к его столику и, сказав что-то, забрал посуду. Коротко скрипнула форточка, но монотонный рокот тяжёлых мыслей в голове перекрыл и этот звук.

Мужчина вновь посмотрел на серую улицу. Пустота снаружи соответствовала внутренней. Только холодно сверкали звёзды, сиротливо вззирающие свысока.

— Одуванчик, — протягивая руку, произносит неслышно появившийся возле столика паренёк.

— Что? — глупо переспрашивает мужчина, переводя замутнённый взгляд на подошедшего. Тот лишь растягивает тонкие губы в довольной ухмылке и терпеливо поясняет:

— Одуванчик! Имя моё.

— Скорее, чертополох.

Мальчишка хрипло смеётся, зарываясь рукой в ярко окрашенные волосы, напоминающие большие причёску Медузы Горгоны, чем приличную укладку приличного человека. Брови мужчины взлетают в удивлении. Ещё никто так не

реагировал на возможное оскорбление. Кроме Неё. Мрачные мысли вновь заворочались в голове, но незнакомец отвлек его от безрадостных дум, бесцеремонно ткнув мозолистым пальцем в его бровь и, пока мужчина не успел возмутиться, сказал:

— Оставь на своём лице хотя бы одну.

Мужчина давится воздухом, не зная, как отвечать на столь бесцеремонное нарушение личного пространства.

— К слову, ты прав, я и, в самом деле, немного фиолетовый. Да и прилипучий, к тому же!

Подошедший так открыто иронизировал над собой, что даже вызвал уважение у мужчины, в голове которого что-то щёлкнуло, и он более внимательно осмотрел представившегося Одуванчиком. Тёмные джинсы на крепком армейском ремне не под стать белоснежной футболке с горящей огнём надписью на груди «Я люблю тебя, Незнакомец».

Тишина давила.

— Пойдём, — твёрдо произнес паренёк, хватая мужчину рукой, покрытой совсем тонкими, белёсыми шрамами.

И он пошёл, ведомый большим, чем худющая спина, сейчас сливающаяся с тьмой вокруг. Поправляя ворот чёрного пальто, идущий впереди оглянулся, проверяя, не отстаёт ли другой.

Мужчина неспешным шагом шёл следом, хрустя льдом, и после уютного тепла кафе мороз на улице казался невыносимым. Поднявшись по качающейся пожарной лестнице следом за Одуванчиком, он огляделся, щуря заслезившиеся из-за ветра глаза.

— И это кому-то нравится? — мужчина первым подаёт голос, с тем же прищуром всматриваясь вдаль, на ровный ряд чернеющих сейчас панелек. — В чём смысл?

Единственное яркое пятно пожимает плечами, впервые воздержавшись от ответа, длина которого могла бы потягаться с длиной предложений Льва

Николаевича Толстого, и неизвестно, оказался ли бы последний упомянутый первым.

Послышались странные шорохи, грохот и... тихий писк.

— Зачем небо, когда есть такое? — произносит Одуванчик, аккуратно придвигая коробку к подошедшему ближе мужчине. Заглянув внутрь, тот увидел пять комочков шерсти. Все были такими разными и такими крошечными.

— Кто-то оставил их на улице. Я хотел взять их к себе, но владелица квартиры категорически против. Я старался найти им хозяина получше, чем я, но никому не нужна «какая-то непонятная беспородистая мелочь» ...

Мальчишка болтал без остановки.

— ... пока тепло, я держу их здесь...

Но мужчина вновь углубился в тяжёлые раздумья, взяв на руки полосатого котёнка, пищавшего особо пронзительно.

— ... а этого я прозвал Чемпионом. Я знаю, что не стоит давать имена, что не стоит привязываться, но...

— Почему ты меня сюда привёл? — вопрос прозвучал резко, обвинительно и заставил другого растеряться.

— Ну... тебе было так грустно... — неуверенно начал мальчишка. -- Мне хотелось спросить, в порядке ли ты, но это не имело смысла, учитывая, что ты в полном одиночестве сидел в уже закрывающемся кафе, где ты, скорее всего, ранее никогда не бывал.

Ветер унёс слова, и повисла напряжённая тишина, даже котята притихли, чувствуя неладное. Одуван кусал губы, нерешительно глядя на мужчину тёмными глазами, из которых исчезли искорки ехидного веселья, и всё же выдавил из себя:

— Я растерялся.

— Ясно. Чемпион — худшее имя.

— Согласен.

Они сидели, вытянув ноги, всё так же разглядывая безвкусно торчащие здания впереди.

— Как тебя зовут?

— Разве это важно? Моё имя уже давно потеряло свой истинный смысл, О-ду-ван-чик, — глухо отвечает мужчина, выделяя голосом чужое имя.

— Моё имя, правда, Одуванчик, — зачем-то говорит мальчишка, откидывая со лба мешающуюся прядь.

— Не верю.

— Моя мать та ещё шутница была, — усмехается Одуван, укладываясь на неприятно холодящее покрытие крыши.

— Была? — мужчина цепляется за самое важное для него слово, получая в ответ скупой кивок. Кривит губы, отворачиваясь.

— У тебя тоже... была?

В ответ лишь скупой кивок.

— Поэтому ты...

— Не только, — обрывает последующие слова, мотая головой. Из горла так и рвётся позорный всхлип, но он сглатывает - и возвращается независимый и холодный мужчина.

Мужчина, который почувствовал тёплую руку на своей спине, горбится и срывается на поток горьких слёз и слов. Он говорит и говорит о жене, обручальных кольцах, скользких дорогах, статистике аварий. Вытирает слёзы, надтреснутым голосом продолжая про не вынесшую потери любимой невестки маму, безразличие докторов, зарождающийся алкоголизм и нежелание жить. Чужая ладонь обжигает.

Юноша, нахмуясь, молчит. Внимательно слушая мужчину, ободряюще сжимает его руку.

Они идут по светлеющим улицам, Одуванчик весело рассказывает о том, что летучие мыши на самом деле не так грациозны, как учёные считали ранее.

— ... Новые исследования показали, что они, летая в темноте, не активно уворачиваются друг от друга, общаясь, как дельфины, специальным эхом, а сталкиваются! Это так смешно! Как только я подумаю об этом, так на душе

становится теплее. Даже начинаю чувствовать себя умнее, чем есть на самом деле.

— Бред.

— Столь скупой отзыв возмущает мою душу! — он даже останавливается, изображая праведное негодование, положив руку на сердце.

Мужчина лишь краем губ улыбается и качает головой, ускоряя шаг. Каким-то чудесным образом Одуван привёл его домой.

— До новых встреч, мальчик-одуванчик.

— Может, до завтра? — с надеждой во взгляде спрашивает Единственное-Яркое-Пятно.

— До завтра, — чувствуя, как уходит тяжесть с плеч, обещает мужчина и провожает взглядом мальчишку в удивительно длинном пальто. Подмигнув, тот скрывается за поворотом, лёгким шагом направляясь неизвестно куда. Вновь геройствовать?

«Может, жизнь не так уж плоха, и я смогу пережить это», — думает мужчина, толкая дверь. Стащив куртку и обувь, он идет в комнату и решается - спустя годы: проходит мимо дивана, прямо в кровать, хранящую все воспоминания, и сердце невольно сжимается, но он всё равно укладывается, пусть и в одежде, в мягкую постель. Закрыв глаза, он с нежной, почти что счастливой улыбкой на губах сразу проваливается в тёплый сон, какого у него не было уже давно.

Панев Андрей Алексеевич,
учащийся МОУ «СОШ № 30» г. Сыктывкара,
победитель Всероссийского литературного конкурса «Класс»

День, когда все изменилось

Это было так давно, кажется, целую жизнь назад. Я тогда пошел в первый класс. Всё лето я с нетерпением ждал, когда же я, нарядный и счастливый, вместе с родителями переступлю наконец порог той «самой красивой школы». Все взрослые так и говорили: «Тридцатая школа у нас самая лучшая». И эта школа ждет меня! От радости и гордости у меня прямо дух захватывало.

И вот наступило утро 1 сентября. Это было солнечное утро, поверьте мне, потому что я проснулся раньше всех в нашем огромном девятиэтажном доме. Проснулся и испугался: слишком тихо было вокруг. «А вдруг я проспал?! Вдруг без меня мама с папой ушли в школу!» - мелькнуло у меня в голове. Я со страхом посмотрел на часы. Определять время я тогда, конечно, не умел. Но поскольку я часто спрашивал маму, скоро ли завтра и скоро ли я пойду в школу, она, чтобы успокоить меня, обвела красным фломастером цифру семь на стеклянном циферблате будильника, что стоял на моем письменном столе. Я облегченно выдохнул: маленькая стрелка часов была рядом с цифрой шесть. Не проспал! Я потрогал свою самую нарядную в мире школьную форму, понюхал гладиолусы в вазе и понял, что я по-настоящему счастлив!

Мама, разбуженная плеском воды в ванной, хотела что-то мне сказать, но лишь улыбнулась и пошла на кухню...

А к девяти часам мы дружно пошли в школу: я, папа и мама. Мне казалось, что все прохожие смотрели на меня, на мой красивый синий портфель и понимали, что я - самый главный и радости моей нет предела. Но, подходя к школе, я вдруг стал ощущать, что меня начинает охватывать какой-то необъяснимый страх.

Во дворе школы стояли дети с букетами и прижимались к родителям, и мне захотелось прижаться к маме и позвать её домой. Все кругом были чужие, и это меня пугало. Вот мальчишка озирается, посмотрел на меня и язык высунул. А вот девочка, такая правильная и нарядная, всем видом показывает, что никогда со мной разговаривать не станет. И так мне вдруг захотелось назад в детский садик, где тепло, уютно, вкусно пахнет из кухни, где Петя и Света уже, наверное, гуляют на нашей любимой площадке с Людмилой Алексеевной.

- Первый «А», - вдруг услышал я где-то совсем близко голос, - подходите ко мне, ребята!

Мама потянула меня на этот голос, и я увидел учительницу в темном костюме и с красиво причёсанными волосами.

- Подходите, стройтесь парами. А теперь пойдёте за мной, - пригласила она нас.

Но страх не покидал меня, я схватил мамину руку и решил ни за что не выпускать её. Мама, улыбаясь, подталкивала меня к светловолосой девочке с огромными белыми бантами. При этом она осторожно высвободила мою ладошку из своей руки, чтобы я, как все остальные малыши, встал по парам. Она видела мой испуг, и ей было не по себе.

Как мы подошли к актовому залу, я не видел, потому что старался не потерять из виду своих родителей. Остальное меня не интересовало. Но в актовом зале я увидел большую сцену, которая была украшена шарами, и на какой-то миг забылся. Нас посадили в кресла. Я снова вспомнил про маму и папу, оглянулся, поискал их глазами и не нашёл, но не успел испугаться, потому что на сцену вышла директор школы и стала говорить нам что-то хорошее. А потом девочки и мальчики в красивых костюмах танцевали, и я подумал, что, может быть, и я когда-нибудь научусь так же танцевать. А мальчик в белом костюме пел так весело, что все ему хлопали и смеялись. И я хлопал, а не искал уже глазами родителей.

Но самое удивительное произошло в конце праздника. Откуда-то сзади послышался звонок. Я обернулся и увидел высокого старшеклассника в строгом

костюме. На плече он нес ту самую девочку, что сидела рядом со мной. В руках она держала колокольчик с огромным красным бантом. Девочка старалась покачивать колокольчик, и он звенел весело, призывно, и взгляд от него я оторвать не мог. И хотя рядом со мной оказалось пустое сиденье, я вдруг понял, что не хочу больше бояться, потому что я мальчик, а мальчики - смелые люди. И ещё я вдруг понял, что этот звонок зовёт нас в другую жизнь, где будут новые друзья и, наверное, разные трудности, которые надо стараться преодолевать без папы и мамы.

Уже в классе я опять поймал мамин взгляд и улыбнулся ей, и она поняла, что всё в порядке, что я готов к новым испытаниям, что я почувствовал: сегодня моя жизнь изменилась, она стала трудней, но я с этими трудностями обязательно справлюсь. Рядом со мной сидела очень смелая девочка, которая подавала звонок, и мальчик напротив улыбался мне. Наверное, мы с ним подружимся...

Горпелюк Екатерина Анатольевна,
учащаяся МАОУ «Технологический лицей»,
призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс»

Обычный воскресный день?

Война... Самое страшное слово в мире. Оно страшнее, чем сама смерть. Четыре самых ужасных года забрали с собой миллионы жизней солдат, смело идущих навстречу смерти, детей, работающих наравне со взрослыми, забросивших игры... Война не щадила никого, не оставляла надежды на жизнь...

К сожалению, о всех ужасах войны я узнала не из книг или учебников, а на себе. 79 лет назад я испытала четыре года ужаса. Как сейчас помню этот день – день, когда всё изменилось.

«22 июня. Обычный воскресный день. Каждый думает, как его провести: сходить в гости, на свидание или отвести детей в зоопарк. Сегодня я проснулась с мыслью о том, что этот день изменит всё. За окном радостно играли дети. От светлых мыслей меня оторвала мама и сказала, чтобы я собиралась, потому что скоро к нам придут родственники. Совершив все водные процедуры, я надела лёгкое нежно - голубое платье и такие же балетки. Завязав две густые косы, я услышала, как приходят гости. Мы все сели за стол и включили радио. Время уже 12:15, а значит скоро будет музыкальная программа. Вдруг из радио прозвучал голос диктора:

- Граждане и гражданки Советского Союза, Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручил мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь...

Дальше я не выдержала и выключила радио. Повисла угнетающая тишина. Никто не мог сказать и слова. Это продолжалось слишком долго, и я решила нарушить тишину:

- Что же теп...

Не успела я договорить, как в наш дом попал военный снаряд. Он разнёс всё, не давая шанса выжить никому. Перед тем, как моё сознание отключилось, я поняла, что этот день и правда всё изменил...

Я не знаю, сколько прошло времени, когда я смогла открыть глаза. Передо мной сразу всплыли воспоминания: родственники о чём-то вели разговор, мой брат с сестрой играли около меня, но потом диктор произнёс свою речь и всё...темнота. Через боль я подняла голову и увидела ужасающую картину: вокруг меня остались только руины, где-то под завалами ещё стонали от боли люди, в некоторых местах валялись уже трупы или то, что от них осталось. От шока я почти не чувствовала боль. Я понимала, что все, кто был в этом проклятом доме, мертвы... Вот и закончилась моя жизнь, так и не успев начаться.

Прошёл год после этого события.

Утро...и сегодня не стреляли... Как странно слышать тишину. Ведь за всё прошедшее время не было ни одного спокойного утра. Может быть, война закончилась? Нет. Я снова услышала взрыв и крики где-то совсем рядом. Сколько можно смотреть на смерть людей? Каждый день нескончаемая смерть и боль. Самое страшное – это смерть детей. Их маленькие, исхудавшие тела лежат прямо на улице. Они умирают от холода, голода и болезней. Разве этой жизни они хотели? Нет. Никто не хотел так жить. Никто... Люди жили в постоянном страхе. Страхе за свою жизнь и за жизнь любимых, родных.

Я оторвалась от этих мыслей и направилась на дежурство. Вместе с другими детьми я стояла на крышах домов и тушила зажигательные бомбы. Сегодня снова кто-то не пришёл... Каждый день кто-то умирал от голода и тяжёлой работы. А кто же это будет завтра? Вместо чая мы заваривали хвою

ели, а из коры дерева пекли хлеб. Если повезёт, и мы достанем клей, то у нас будет суп.

Сегодня при очередной бомбёжке крыши мы попали в руки к немцам. Нас посадили в эшелон и куда-то повезли. Мы остановились около бараков. Фашисты выстраивали детей отдельно от взрослых. От ужаса никто не плакал, все смотрели на немцев стеклянными глазами. Убили совсем маленькую девочку, которая громко плакала. Её вывели из строя и на глазах у всех застрелили. Мы четко без переводчика усвоили урок: плакать нельзя. Так я и попала в концлагерь. Над нами проводились медицинские эксперименты, у детей выкачивали кровь для солдат до последней капли.

С каждым днём нас становилось всё меньше и меньше. И вот, когда последняя надежда почти угасла, нас освободили солдаты Красной армии. Нас привезли в тыл, и теперь мы работали на заводах, на фабрике изготавливали консервы для фронта. Мы днями и ночами стояли за работой: от нас тоже зависит победа. Через 2 мучительных года мы всё - таки её у фашистов.

Вы не представляете, сколько счастливых слёз и радости было у людей! Все понимали, что вот оно - мирное небо».

Очнувшись от воспоминаний, я поняла, что на моих глазах слёзы, а ведь скоро начнётся парад. Уже 75 лет День Победы - красный день календаря. Уже давно никто не слышит разрывов бомб и снарядов, это такое простое, но счастье.

Я хочу забыть тот день, когда всё изменилось в моей жизни, но искалеченное детство будто постоянно напоминает: «Нельзя!»

Коносова Дарья Владимировна,
учащаяся МАОУ «Гимназия им. А.С. Пушкина»,
призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс»

Обжигающее синее пламя

«Вдох, выдох. Тройной лутц, который никогда не выходит «чисто» во время репетиций, но сейчас нужно прыгнуть так, чтобы меня заметили. Разворот, мах ногой, прыжок... Да, правильно мне на тренировке говорили, что если на занятии не получится, то и на соревнованиях провалишь. Мне всегда не хватало высоты прыжка».

«Виктор, выше! Сильнее толчок опорной ногой. Помоги руками!» - это я слышу почти каждую тренировку на протяжении пятнадцати лет, с самого юного возраста. Раньше все было элементарно, выиграть на очередном турнире казалось сушим пустяком. Но я переходил в категории старше - и с каждым разом рамки становились все жёстче, тренировки тяжелее, а победа доставалась реже.

На год я уехал в другой город учиться и за время пребывания там забросил спорт. Но недавно фигурист из другой сборной вдохновил меня своим выступлением и зажег в моем сердце почти потухший огонь. Хочу увидеть его в живую, мечтаю кричать ему слова поддержки и говорить с ним. В отличие от большинства фанатов, я имею шанс осуществить это на Чемпионате.

Настал день X – день соревнований, когда может исполниться мое заветное желание. Мне пришлось долго восстанавливаться после перерыва длиной в год. Упорные тренировки приносили результат. Только полноценные прыжки мне так и не давались: они не были отточены должным образом. И хватит ли мне сил сделать это? Пока никто не знает.

Я посмотрел на табло - по спине пробежали мурашки. Каждый участник набирал больше баллов, чем предыдущий. На самом деле это моё не первое участие в подобном чемпионате, но мне никогда не удавалось пройти дальше.

Мой новый тренер не особо заинтересован в программе, поэтому моё выступление похоже на набор движений, лишённых каких-либо чувств. На глаза стали наворачиваться слезы. Танец – это искусство передавать свои эмоции и мысли через движения - этого мне так не хватает.

И вот я ступаю на сцену, совершенно спокоен и хладнокровен, как лед под остро заточенными лезвиями. Слышу сухие слова «поддержки» от тренера и тихий зал: выступает малоизвестный спортсмен. Единственное, что сейчас заставляет работать, – это мой кумир, который, возможно, наблюдает за каждым участником, потому что у него просто есть свободное время.

«Вдох, выдох. Тройной лутц, который никогда не выходит «чисто» во время репетиций, но сейчас нужно прыгнуть так, чтобы меня заметили. Разворот, мах ногой, прыжок... Да, правильно мне на тренировке говорили, что если на занятии не получится, то и на соревнованиях провалишь. Мне всегда не хватало высоты прыжка».

К всеобщему удивлению, я прохожу в следующий тур, на подготовку остается полгода. И тут случается невообразимое. Во время самой обычной тренировки в одном из самых маленьких городков страны я вижу своего кумира, который заходит в наш Ледовый дворец. Голова гудит, никто не понимает, почему тут находится «звезда» мирового масштаба. «Виктор Катцуки сейчас здесь? Я хочу поговорить с его тренером», - произносит фигурист.

Мое сердце замерло, а время остановилось. Была сотня вопросов и догадок, и, кажется, что-то начало проясняться. Недавно я репетировал столь любимыишися ему номер. Тогда на трибунах была одна девушка, которая с восхищением аплодировала после удачного проката и снимала его на видео. Но сейчас я быстро подъехал к своим вещам, схватил телефон, который разрывался от сообщений. «Виктор, это ты на видео?», «Крутой прыжок!», «Ты сделал эту программу?», «Весь танец пронизан чувствами» - и еще огромное количество похожих комментариев приходило мне на почту. «Она выложила его в социальные сети», - наконец эта мысль посетила меня.

В этот же вечер я уже пил чай у себя дома со своим новым тренером. Его зовут Юрий Оскаль, и именно это человек вдохновил меня год назад своим номером. Он объяснил, что был заинтересован исполнением танца, сам планирует закончить карьеру и будет работать в качестве тренера, если сможет добиться высокого результата со мной. Фигурист всегда умел удивлять публику, но сейчас от него можно ожидать все что угодно, и на зрителей не получается произвести былое впечатление. Юрий помнил мой номер, который я исполнял в последний раз, и решил, что будет менять формат. Надо было успеть все сделать за полгода.

Спустя месяцы бессонных тренировок я могу показать все, что умею, буду бороться до конца! В этот раз я немного волнуюсь, ведь я никогда не вкладывал в танец какой-либо особый смысл, но сегодня мы удивляем зрителей, и я выступаю с темой «Любовь». Выхожу на лед, делаю небольшой круг, подъезжаю к Юрию, он искренне желает удачи. Видно, что тренер тоже нервничает. Встаю в исходное положение, и начинает звучать музыка. Нужно раствориться в мелодии, я рассказываю историю любви «маленьких людей». Сейчас начнется основная часть с прыжками, которая сможет поразить Юрия. Предстоит время того ненавистного тройного лутца, но я его тренировал и после репетиций, думаю, даже смогу сделать сейчас четвертной. Раз, два, три, прыжок... В голове ураган мыслей, не совсем точно воспринимается окружающий мир. Эмоции меня переполняли в этот короткий, но грандиозный миг. Я это сделал. Слышу, как ликуют трибуны, успеваю обернуться на тренера, и его радость невозможно передать словами. У нас получилось удивить всех.

Мой огонь в сердце тогда почти потух, оставался гореть только маленький синий огонек. Но не надо забывать, что синее пламя – самое обжигающее, - и оно меня обожгло. Я смог продвинуться дальше и не собираюсь останавливаться на достигнутом.

Степанова Мария Кондратьевна,
учащаяся МАОУ «Технологический лицей»,
призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс»

Прыжки в высоту

Я чертовски, ну просто от всей души ненавижу спорт! Единственное соревнование, в котором я участвовал - по шахматам. В первом классе.

Поэтому, когда наш многоуважаемый и абсолютно незаменимый учитель физической культуры вежливо предложил мне участие в сдаче зачета по Готовности к Труд и Обороне, или, выражаясь языком простых смертных, ГТО, я очень невежливо отказался. Ну, как отказался: вздернул левую бровь, хмыкнул, развернулся на каблуках и гордо ушел, плюнув себе под ноги.

От сдачи нормативов моя персона, конечно, отказалась, однако, спустя пять затяжных дней, я стоял в огромном спортивном зале и ждал своей очереди на прыжки в высоту. "Как так получилось?" - спросите вы меня. "Не имею ни малейшего понятия", - отвечу я, добавив еще несколько непечатных слов.

Каждый, кто хоть раз посещал физкультуру в школе, знает, что такое прыжки в высоту: тонкая железная балка гордо лежит между двух подставок, регулируемых по высоте. Задача твоего тела - собрать остатки жизненных сил и потратить их на то, чтобы перепрыгнуть через балку, как спешащий скрыться вор, и не задеть ее холодного покоя. Задеваешь - она падает с громким звоном, так, что уши заткнуть хочется, особенно на моменте гогота одноклассников-кретинов.

Прошу простить меня за лирические отступления: все вокруг меня раздражало. Невесть откуда взявшиеся дети визжали, железная балка падала с завидной периодичностью, а из кислых лиц экзаменаторов можно было варить щи. Хотелось сбежать, но окна спортзала находились на четвертом этаже.

Чей-то визгливый голос выкрикнул мою фамилию: неужели очередь добралась-таки до меня?

От снаряда меня отделяло несколько метров. Разбежаться, прыгнуть, не уронить, не опозориться перед лицами этих нетерпеливых детей и капустных проверяющих. Всего несколько шагов от желанного избавления. Несколько шагов, за которые в моей голове пролетела пара-тройка легких, совершенно мимолетных мыслей; если бы кто-то узнал, о чем я подумал, он бы точно не захотел иметь со мной дела...

Вся жизнь моя была прыжками в высоту. С самого детства я старался подняться выше своей головы. Помню, как в начальной школе открывал учебники средних классов и читал их запоем, чтобы на уроке пропустить невзначай легкую, как перышко, фразу:

- Умножение - это многократное сложение...

И у меня действительно получалось прыгать выше головы.

В средней школе я стал ходить на олимпиады. Меня совершенно не интересовал предмет - все первые места начального тура были моими. Я не давал соперникам ни единого шанса, хоть и понимал, что кому-то эти олимпиады были гораздо важнее, чем мне. Что уж говорить, я и сейчас, в девятом классе, никому и никогда не даю шанса.

Когда пошли городские первенства, дела мои стали хуже. Все учителя умоляли меня остановиться на нескольких самых важных предметах (и, конечно, подразумевали они именно свои). И мне все-таки пришлось внять жалким слезным просьбам.

Проблем с учебой у меня не возникало: я мог пересказать единожды увиденный текст, я мог вспомнить тему, пройденную в начальной школе, я мог написать контрольную за тридцать пять минут, я мог говорить часами, я мог решить любое задание под звездочкой из учебника алгебры, я мог мгновенно переключиться с одного языка на другой, я мог прочитать огромный текст без единой ошибки, я мог все, не прилагая к этому абсолютно никаких усилий.

Я гений. Я всегда знал, что способен сделать все, что захочу. Меня примут на работу в любую корпорацию, когда узнают о моих талантах. Я выйду победителем из любой игры. Я способен понять любого человека, я способен разгадать все существующие загадки, я способен узнать всю эту бессмысленную Вселенную. Я совершенно точно могу покорить весь мир. Он падет перед мощью моих познаний! Я...

Шаг. Второй. Третий. Прыжок. Звон падающей железной балки.

Хомченко Владислав Дмитриевич,
учащийся МАОУ «Лицей № 1» г. Сыктывкара,
призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс»

Грязь

Энди проснулся от ослепляющего света солнца. За окном впервые за неделю была хорошая погода, что не могло не радовать. Не услышав запаха утреннего кофе, он понял, что его мама сегодня работает. Энди взглянул на циферблат часов и понял, что у него есть куча времени на пробуждение. Закрыв глаза, он погрузился в себя. Вспоминая вчерашний день, Энди услышал звонок телефона, это был его друг Скотт. Подняв трубку, он услышал тревожный голос, который просил его как можно скорее прийти. Недолго думая, Энди встал с кровати, надел белую футболку, которая была в грязных разводах, штаны, измазанные в краске и потрепанные кеды. Выходя из дома, он слишком торопился и совсем забыл оставить ключ в почтовом ящике для матери.

Лица прохожих были радостны, среди них было не сложно различить физиономию Энди, которая кардинально отличалась от всех. Все люди шли не спеша, в отличии от него. Навстречу ему шел странный человек в черном, которого Энди не заметив, нехило толкнул в плечо. Взгляд прохожего не привнес ничего светлого. Наплевав на это, парень пошёл дальше.

Скотт мог быть лишь в двух местах, или выпивать в баре своего отца, либо просиживать время на заброшенном складе. Но судя по его голосу, первый вариант сразу отпал. Пройдя еще пару кварталов, Энди вышел к излюбленному месту друга. Прямо на входе он наступил в лужу свежей рвоты, но склад был пуст. Энди судорожно набрал номер Скотта, но услышал лишь длинные гудки. Он быстрее ветра сорвался к бару отца друга.

Пробегая очередной квартал, он вновь наткнулся на мужчину которого когда-то толкнул, подумав, что неплохо было бы извиниться, он подошёл. Мужчина похлопал его по плечу и сказал: "Забудь парень, и лучше прости меня".

После этих слов незнакомец скрылся, сверкнув перстнем на своём пальце. Энди на секунду впал в ступор, но решил продолжить путь до бара. Дойдя до места, он увидел вывеску "Санитарный учёт".

Отчаявшись, он стал искать номер отца Скотта, но и его телефон был выключен.

Он принял решение навеститься в гости. Скотт жил неподалеку от Энди, поэтому ему пришлось снова пройти несколько кварталов. Окна дома были занавешены, дверь слегка приоткрыта, внутри стояла гробовая тишина, скрип половиц был очень громким. И только войдя внутрь, ему в нос ударил очень едкий запах гнили. В кухне лежало обездвиженное тело друга, его лицо было бледное, а белки глаз закатаны. На глазах Энди выступили слёзы, и он не спеша подошёл к Скотту. Взяв дрожащими руками телефон друга, на экране блокировки он увидел больше 10 пропущенных вызовов. Белая футболка Скотта была окровавлена. На Энди напал психоз, он начал метаться по дому и кричать, затем, прикрыв лицо, запуганный мальчик сел рядом с телом. Он не мог не обвинять себя в смерти Скотта, ведь Энди был первым, кому он позвонил. Сам того не заметив, Энди уснул, сидя на полу в кухне.

Энди проснулся, когда за окном было темно. Эта тьма окутывала все комнаты, и лишь слабый луч света фонаря указывал на Скотта. Осознавая, что он поступает максимально неправильно, собравшись, Энди покинул дом, окинув еще раз взглядом тёмную пустоту. На улице шёл проливной дождь, хоть на него не намекала утренняя погода. Энди окончательно опустил руки и зашёл в ближайший магазин за бутылкой дешёвого вина. Его путь лежал на тот самый склад, где они со Скоттом провели всё свое детство.

Дойдя туда, Энди весь грязный и промокший уселся на диван, из которого торчали пружины, закрыл глаза и вспоминал всё хорошее, связанное со Скоттом. Вдруг на ум пришёл тот мужчина в чёрном и ключ, который он забыл оставить матери. Но вновь он быстро забыл про это и погрузился в свои мысли.

Забытый ключ сыграл с Энди злую шутку. Его мать вернулась с работы и, не найдя ключ, ждала сына. В темноте сверкнул тот самый перстень.

Наступило раннее утро, на телефоне Энди было несколько пропущенных с незнакомого номера. Полусонный он решил перезвонить, на другом конце ему сказали срочно ехать на опознание в местную больницу.

Допив вино, Энди не спеша поплёлся в уже знакомое место. Он предполагал, что доктора ошиблись, но, добравшись до места, он увидел под белой простыней ноги своей матери. Его глаза покосились, парень удалился из тускло освещённого помещения. На телефон поступило сообщение от отца Скотта, он попросил зайти к нему.

В знакомом доме Энди предложили завтрак, но он вежливо отказался. Отец рассказал, что пару дней назад они со Скоттом сильно поссорились. Больше Энди не хотел ничего слушать, теперь он понимал, что виноват не только он, это было немного эгоистично с его стороны. Отец друга рассказал, что, судя по показаниям, Скотт совершил самоубийство. Энди встал из-за стола и вышел за порог, ни с кем не попрощавшись. Он отправился выспаться.

Спустя неделю ему поставили диагноз "шизофрения" и отправили на стационарное лечение в психдиспансер. Всё что произошло оставило огромный отпечаток на его судьбе и дальнейшей жизни.

Лёжа в палате, он морально потерял себя.

В одну из ночей, когда Энди не спалось, в дверном проёме вновь сверкнуло знакомое украшение.

Тютюнник Евгения Дмитриевна,
учащаяся МАОУ «Гимназия им. А.С. Пушкина»,
призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс»

С тех пор всегда вместе

Шёл июнь сорок второго.

Немцы обосновались в Жлобине, из которого жителям приходилось бежать в Бобовку - деревню, находящуюся в тринадцати километрах от города, который собирались разбомбить. В деревне нашлась пустая хата, в неё каждое утро заходила корова с тяжёлым выменем; дети рвали морковь с грядок и бросали солдатам в бортовые грузовики, чтобы у них была хоть какая-то еда.

Бобовка в скором времени тоже была захвачена, поэтому пришлось вернуться в Жлобин, где дома, прямо в их квартире, были немцы. У печки лежала граната, к которой бабушка строго-настрого запретила подходить. Ничего, уживались. Один из «гостей» вынес матрас в сад и улёгся на него, бабушка не говорила по-немецки и сказала лишь «это моё», а тот и понял: положил всё на место.

Жили немцы в комнате, а сестёр и бабушку выгнали на кухню. Деничик ругал бабушку за невытую картошку, а та жаловалась офицеру, который просил своего товарища не обращаться так жестоко с ней.

Немецкие солдаты брали еду из полевой кухни, которая стояла около трёх здоровых лип неподалёку от большого красного дома - казармы, и тогда, когда все заканчивали есть, человек в белом колпаке брал две огромные крышки кастрюль и ударял ими пару раз друг о друга. Ребячишки сбегались к этим липам и вставали в очередь, кто с котелком, кто с крынкой, но все одинаково голодные.

Тем летним днём Инна убежала вперёд. Детишки выстраивались в одну линию, и никто не хотел пропускать, ведь худо будет, если начнёшь толкаться. Это уже когда-то уяснили: еды не дадут. Они стояли и ждали своей очереди - Инна где-то ближе к раздаче, а Алла - к концу.

Повар наливал густой-густой гороховый суп, который был отвратительно горячим. Гуща - вот что оставалось после бульона с мясом, потому что горох оседал на самом дне чана, но это было самым лучшим угощением, которое можно было себе представить в дни голода.

И вот наступает тот самый момент, когда высокий дядечка заберёт твою пустую миску, а вернёт её с дымящимся супом и куском чёрствого серого хлеба, который можно будет сгрызть вечером. Алла становится перед высоким-высоким поваром с поварёшкой в руках, тот поворачивается, и его светленькие глаза тут же мутнеют, а над ними нависают брови цвета спелых зёрен.

Он размахивается и прикладывает поварёшкой, измазанной в супе, ко лбу Аллы.

—Цвай! Цвай!—кричит он и тычет двумя пальцами ей в лицо.

—Инна!—взвизгивает Алла, убегая прочь от полевой кухни и злого повара, надеясь отыскать сестрёнку.

Она находит Инну и берёт её за руку, приводя туда, где на неё накричали. Алла встаёт рядом с сестрой и показывает её повару, мол, смотри, кох проклятый: вот она, моя сестра-близнец.

Тот лишь разводит руками, дескать, идите прочь. С тех пор им приходилось стоять всегда вместе, чтобы повар не думал, что один и тот же ребёнок просит еду два раза. Видел немец, что две девочки-близняшки по городу ходят, но вспомнить их почему-то не потрудился...

** Рассказ написан по воспоминаниям прабабушки.*

Лыткина Татьяна Дмитриевна,
учащаяся МАОУ «СОШ № 25»,
призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс»

Вечность на моих плечах

(рассказ без правды и безо лжи)

Я думаю, что я смертельно болен. Нет, это не от внутренних или внешних изъянов моего организма, не от образа жизни, не от горести неразделённой любви... Я болен «своим разумом». Наверное, это звучит очень странно. Величайшие учёные говорили о том, что нет предела человеческой глупости, но каков предел человеческого разума? Найдется ли нужный ключ от потаённой двери сознания? Кто знает? Я... знаю.

Мне было тогда всего двадцать восемь лет. Я пошёл по стопам своего деда-астронома, для объяснения мыслимых и немыслимых фактов мироздания он мне в наследство оставил свою обсерваторию.

Сколько себя помню, я всегда был романтиком и не мечтал о деньгах, славе, семье - мои мечтания были направлены в космологическую сторону. Я мечтал о том, чтобы доказать предположение ученых о том, что Солнечная система или даже Галактика, возможно, являются всего лишь атомом какой-то другой гигантской Вселенной.

Но осмыслить в полной мере то, что находилось за пределами моей "зоны видимости", мне никогда прежде не представлялось возможным. Я закрываю глаза и не вижу ничего, кроме редких вспышек яркого света, а когда открываю, то мне кажется, что вижу всё. Когда мы засыпаем, нам кажется, что мир вокруг нас исчезает, но ничего не исчезает бесследно. Может, мы просто сами запутались в своём восприятии мира? Становится неприятно думать о том, насколько жалкое у человека сознание по сравнению с разумом самой Вселенной, впитавшей в себя мудрость миллионов веков.

В обсерватории моего покойного деда, некогда известнейшего профессора физико-математических наук, я нашёл для себя огромное пространство для

воображения. Не было времени суток, чтобы я не наблюдал через телескоп такой близкий, но в действительности слишком недостижимый внеземной пейзаж. Иногда облака затягивали небо, и мне приходилось откладывать мой «мониторинг». По закону горчайшей подлости, к сожалению, это были те моменты, когда должно было произойти настоящее чудо. Любые мельчайшие изменения на карте космического пространства - истинное золото для учёных, даже если эти изменения неизбежно приведут к глобальным проблемам. Люди глубоко математического склада ума давно научились принимать конец света как неизбежное и необходимое. Для них это всего лишь бой людского разума с кознями Вселенной, который закончится в тот момент, когда наши пытливые умы наскучат разуму свыше.

Совершенно неожиданно для себя в тот самый день я обнаружил старый сундук средних размеров. Быть может, в нём было сокрыто что-то важное, но в любом случае ключ от него потерялся. Но сам я бы не вскрыл найденное (из крепкого материала был сотворен сундук), а другим не доверяю, признаюсь честно. Вдруг тот, кто вскроет сундук, случайно узнает тайну, которую дедушка оставил специально для меня? Да и "ломать" я не умел: меня научили созидать или я сам себе внушил, что способен только на созидание. Позже, ещё не вскрыв сундук, разглядел в подобном "даре судьбы" не какие-то материалы для обогащения или талисманы – я извлек мораль. Я понял, что за получение фактов нужно бороться, а если твоя борьба способна безжалостно разрушать, значит, лучше её прекратить, пока не стало слишком поздно. Но судьба распорядилась иначе.

Я оставил сундук и вернулся к своим наблюдениям. По глупости забыв установить специальный солнечный фильтр, был больно ослеплен прямым солнечным лучом, бьющим в окно обсерватории. Зажмурил оба глаза и сильно зажал их руками. Несколько мгновений я видел перед собой только тёмное пространство с мелькающими красными "мушками". Но уже через пару минут перестал чувствовать боль, а чернота пространства начала обретать свои формы.

Не открывая глаз, увидел малыша, держащего за руку маму. Это был я: тогда мы с мамой пошли покупать большую карту звёздного неба на всю стену в моей комнате.

Вскоре эта картина сменилась другой: передо мной возник образ маленькой плачущей девочки. Я вспомнил, как много лет назад я по неосторожности в школьной столовой разлил на её белое платье ярко-красный горячий борщ и мне тогда стало очень стыдно. Я снова это прочувствовал.

Но внезапно нахлынувшие воспоминания о детстве и студенчестве быстро сменились другими. Это были воспоминания о незнакомых мне людях: я был убеждён, что не знаю их, но мой собственный мозг восстановил всю историю событий. Я начал понимать, что знаю всё и обо всех в прошлом, настоящем и будущем.

Я видел Исаака Ньютона, смотрящего задумчиво на яблоню, и замечал медленно изменяющееся выражение его лица. Видел Пифагора, занятого написанием своих трудов.

Увидел всю историю не только людей, но и природы: "большой взрыв" и рождение Вселенной, но стоило подождать минуту...и (меня охватил ужас) неизбежный конец всего бытия. Дальше была только пустота - снова тёмное пространство, но уже без злосчастных красных "мушек". Просто... ничего.

Хватило сил открыть глаза после всего увиденного. Поразительно! На какой бы предмет я ни посмотрел, я знал всю его "историю", видел её отчётливо. Вот мои наручные часы, привезённые отцом из самой Швейцарии: видел каждую детальку этого сложного механизма, видел его создателей. Казалось, я могу даже разглядеть историю отдельных молекул и атомов. Я видел далёкие звёзды и их эволюцию. В мире не осталось того, чего я бы не познал. Это поражало, восхищало и в то же время сильно пугало. Я ещё не мог обращаться с этими знаниями, но понимал, насколько важна моя миссия: я должен был помочь человечеству, но защитить тайну бытия от злых сил.

Мне стало страшно выходить из обсерватории. Здесь, где никого больше нет, я мог наверняка не сказать лишнего, я мог наверняка уснуть без чувства

вины... я так хотел думать. Но уже видел дальнейший исход. Мысли о прошлом, настоящем и будущем меня убивали. Я решил себя занять, хотя и знал, насколько это бессмысленно в моей ситуации.

Мною было похоронено много времени из-за пустых попыток обыграть самого себя в "морской бой" и в шахматы. Какая глупость. Люди всеми силами стараются сохранить своё время, а я в один миг стал его транжиром. Какая постыдная шутка.

Я подумал, что знать всё может быть не так уж и плохо. Мне открылись загадки высшей математики, я постиг неевклидову геометрию, понятие о пространстве и времени стало для меня чем-то обыденным. Всё это так внезапно, это настоящее чудо, которым я не могу поделиться. Я не сплетник и не пустослов... Я не люблю раскрывать тайны. Эта грязь суесловия быстро может расползтись по моему телу - а я этого не хочу. Так сложно и так легко.

В голову стали лезть мысли о чужих бедах. Сначала маленьких и невинных: я видел малыша, случайно сломавшего свою любимую игрушку о твёрдый пол. Позже - страшных и безрассудных: я видел измены и предательства, теракты и войны, коррупцию и рабство. Я осознавал, насколько важно было знать это и обратиться в соответствующие органы. Но жажда справедливости приводит к новым проблемам, это слишком тяжёлый груз для меня. Мне оставалось истерично биться головой о стену.

Доктор, мне кажется, что я смертельно болен.

** * **

Психотерапевт Стремянкин с удивлением и некоторым страхом глядел на растерянного Володю Краснопёрова. Мальчика, которому давно за тридцать. По щеке пациента Краснопёрова медленно потекла слеза. Это была слеза былой, настоящей и будущей горечи жизни.

- Владимир, вы закончили? Вам стало легче, когда вы выговорились? - тихо спросил доктор.

Краснопёров молча покивал головой, тихо всхлипывая. Сделав глубокий вдох и медленно выдохнув, он сказал:

- Я до сих пор слышу чужие голоса и вижу чужие жизни. Так не должно быть.*
- У вас тяжёлый случай, но мы постараемся вам помочь...*
- Благодарю, мне это необходимо, я не хочу испытывать эти чувства, - вздрогнув и погладив свои плечи, Володя продолжил. - Будто целая вечность на моих плечах.*
- Простите, а что было в том сундуке? Там было что-то важное? Вы нашли ключ?*
- В сундуке? Там была всего лишь стопка газет. На первой странице я увидел статью, в которой моего деда обвиняли в продвижении лженауки. Но я вам этого не говорил.*
- Вы не желаете об этом говорить? Для вас это тоже стыдно? Правда бывает жестока.*
- Нет, не совсем. Просто ключ потерялся, если вы помните...*

Потолицына Ульяна,
учащаяся МОУ «СОШ № 30», г. Сыктывкара,
призёр Всероссийского литературного конкурса «Класс»

До фонаря

Ах, какое чудесное утро! Птички поют, дует нежный зефир... Так и хочется подольше покупаться в тёплых лучах солнца!

Он снова идёт в синей рабочей куртке, в широких штанах и в громоздких ботинках. На них даже осталась жвачка, на которую он наступил здесь в прошлый раз. Его, кстати, зовут Павел. Он работает на заводе, неподалёку. Каждое утро он подходит к остановке и, не замечая меня, садится в автобус. Надо снова попробовать, вдруг повезёт. «Привет!» Ах, да. Со мной же никто никогда не здоровается, и сегодня не исключение. Может, звучит грубо, но всем до фонаря. Даже с облезлой собакой Мартой здороваются, а я чем хуже?!

Мне уже тридцать, но единственный, кому я не безразличен - это электрик дядя Вася. Он навещает меня раз в месяц. Такой день я бы пометил красным, если был бы у меня календарь.

Нет, вы поглядите-ка! Снова Лизочка с Гришей школу прогуливает! Ну и что из неё вырастет?! Да, Лиза, если бы мать из семьи не ушла, а отец не запил бы, глядишь, и жила бы ты по-другому... Э-эх, печально...

А это кто шаркает? А-а-а...Баба Тома. Опять с семечками тащится. Сейчас, как обычно, усядется на скамейку и станет голубей подкармливать. А мне эти голуби жизнь портят! Терпеть их не могу!

Так, сегодня у нас что? Воскресенье? Да, воскресенье. Значит, у Розы сегодня пленэр. Она любит эти места: парк, за ним пригорок, дальше луг... В парке белок много. Они бойко прыгают с ветки на ветку. Опять слышу, где-то неподалёку шишки грызут... А за пригорком течёт ручей. По крайней мере, что-то журчит, как ручей. Могу ошибаться, сам не видел. Не удивительно, что такую красоту хочется запечатлеть.

А вот и она, милая Роза! Видеть её – одно удовольствие: тонкие руки, узкие плечи, белёсые волосы и глаза цвета изумруда. Какая же она милая! Хотя, о чём я? И все же грустно: я каждый раз подмигиваю Розе, а она не замечает меня. Не могу я быть с ней, и точка...

Смеркается. Повсюду начинают зажигаться огни. Слышите? Старинные часы с кукушкой бьют восемь. Эту мелодию каждый вечер я слышу из распахнутого настежь окна Виктора Михайловича. Виктор Михайлович - старожил нашего города, он всю жизнь проработал дворником. Как только меня сюда поставили, он первый, кто меня покрасил не в чёрный, как сегодня, а в синий цвет. Так было модно. Я был самый счастливый!

Ну всё. Пора за работу. Сейчас вы увидите меня в действии...

Фонарь загудел и через несколько секунд засиял тусклым тёплым светом, освещая бульвар, молоденькие березки и рябинки вдоль бульвара и скамейку на остановке...